

Русские офицеры Генерального штаба и политическая борьба в эмиграции в 1920-е годы*

Abstract:

Ganin A.V. *Russian Officers of the General Staff in the Political Struggle within the Russian Émigré Communities in 1920s.*

The article examines the involvement of top military officials, the émigré officers of the Russian General Staff, with the political struggle. Different sides of this process are shown, the course of events and special features.

Ключевые слова: военная элита, русская эмиграция, Генеральный штаб, Балканы, Королевство сербов, хорватов и словенцев, политическая борьба.

Политическая активность офицеров-генштабистов в эмиграции была достаточно высока. С первых лет изгнания многие высокопоставленные военные оказались вовлечены в ожесточенную политическую борьбу, которая была вообще присуща эмигрантской среде (в том числе в связи с однообразием существования вне родины). Без особого преувеличения это была борьба «всех против всех». Она велась практически по всем вопросам и во всех направлениях. Постоянные внутренние конфликты и противоречия стали отличительной чертой антибольшевистского лагеря Гражданской войны и одной из причин поражения белых. В эмиграции старые разногласия лишь обострились. Боролись сторонники различных партий, движений, члены различных организаций за лидерство в эмиграции, члены одних и тех же организаций – за власть, монархисты одного и другого толка между собой, монархисты и республиканцы – по вопросу о будущем государственном устройстве, националисты разных толков, представители национальных диаспор – друг с другом, спорили о методах борьбы с большевиками, необходимости использования террора или его прекращения. Кто-то, наоборот, выступал за примирение с Советской Россией. Список можно продолжать. Ко всему этому прибавлялась значительная активность советской агентуры, стремившейся разжигать любые внутренние противоречия в лагере своего противника.

В вопросах лидерства в военной эмиграции всегда значительную роль играли генштабисты. Руководители Русской армии, оказавшейся в беженских лагерях, особенно боялись утратить контроль над войсками. Для подобных опасений имелись основания, в том числе из-за отсутствия обще-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917 – 1922 гг.».

признанных лидеров и безусловных военных авторитетов. Уже в конце 1920 г. острый конфликт разразился в казачьих верхах, когда члены донского Войскового Круга взяли курс на разрыв с генералом П.Н. Врангелем и донским атаманом А.П. Богаевским. Тогда Врангель и Богаевский сумели договориться, но в дальнейшем их отношения из-за политики Богаевского обострились. В лагере на острове Лемнос кубанцы провели выборы войскового атамана, которым избрали генерала В.Г. Науменко. Лемносскую группу войск с 26 марта 1921 г. возглавил генерал Ф.Ф. Абрамов. Донской атаман Богаевский стремился к лидерству в рамках всех казачьих войск, что угрожало полномочиям Врангеля. Конфликтная ситуация усугубилась отсутствием у Врангеля ресурсов для поддержки казачьих администраций и, наоборот, появлением у Богаевского весьма значительных средств донской казны и добычи, награбленной казаками корпуса К.К. Мамантова во время рейда по красным тылам в 1919 г.¹ Именно Богаевский стал председателем Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, созданного в январе 1921 г. Однако донской атаман никогда не был особенно популярной фигурой (в 1919-1920 гг. его даже считали марионеткой белого главнокомандующего генерала А.И. Деникина) и отличался большой осторожностью. Тем не менее, Объединенный совет пытался действовать самостоятельно и вопреки Врангелю на переговорах с бывшими союзниками. Однако, в отличие от казачьих политиканов, верность Врангелю сохранили командиры казачьих соединений, в том числе генштабисты. Его настоящей опорой стали командир Донского корпуса генерал Ф.Ф. Абрамов и командир Кубанского корпуса генерал М.А. Фостиков. Благодаря им, отрыва казаков от общей массы русской армии удалось избежать. Врангелю и его штабу также принадлежит заслуга в деле сохранения армии при попытках бывших союзников добиться ее распыления. Благодаря его деятельности был решен вопрос о переброске в 1921 г. армии из беженских лагерей в дружественные белым Болгарию и Сербию.

Контрразведкой в лагере в Галлиполи был, якобы, выявлен проденикинский заговор дроздовцев во главе с выпускником ускоренных курсов Военной академии полковником П.В. Колтышевым. Однако, весьма вероятно, он был выдуман контрразведчиками из цепочки обычных фактов – наличия портрета Деникина в столовой и частных разговоров². Тем более что Деникин в этот период вовсе не претендовал на руководство армией и вообще устранился от всякой общественно-политической деятельности, занявшись написанием своих знаменитых «Очерков русской смуты», над которыми работал шесть лет. Среди ветеранов борьбы с большевиками, конечно же, существовало немалое число сторонников Деникина (и противников сменившего его, не без помощи интриг, Врангеля), доверявших ему и в годы эмиграции и видевших именно его своим вождем. Тем не менее, борь-

ба за лидерство продолжалась и позднее. Деникин выступал против терроризма и диверсий на советской территории. При этом высочайший моральный авторитет генерала не позволил лидерам военной эмиграции отмежеваться от его действий и заявлений.

Немало проблем руководителям военной эмиграции и, прежде всего, казачества доставила деятельность бывшего донского атамана генерала П.Н. Краснова, обладавшего большим авторитетом в казачьей среде и боровшегося с действовавшим донским атаманом Богаевским и другими лидерами казачества. Конфликты в казачьей среде были почему-то особенно острыми. В результате к 1938 г. в эмиграции было, например, уже два действовавших донских атамана – П.Х. Попов и М.Н. Граббе (не генштабист).

Генштабисты активно участвовали в деятельности монархических организаций. Целый ряд офицеров Генштаба приняли участие в российском зарубежном съезде 1926 г. (среди его участников – А.П. Богаевский, П.Н. Краснов, И.Г. Акулинин, А.К. Баиов и другие). Еще один раскол военной эмиграции как раз прошел по линии отношения к двум соперничавшим претендентам на русский престол – великим князьям Николаю Николаевичу-младшему и Кириллу Владимировичу. Как ни странно, в борьбе за гипотетический трон, который мог быть восстановлен только в случае свержения большевистского режима и провозглашения монархии, разгорелись нешуточные страсти. Реально же борьба велась за лидерство той или иной группировки в эмигрантской среде и связанные с его обретением преимущества в виде материальных и нематериальных благ. Сторонников Кирилла Владимировича называли «легитимистами». Среди них были многие генштабисты, в том числе генералы К.В. Апухтин, К.К. Акинтьевский, Н.А. Лохвицкий, В.Е. Флуг, В.А. Брендель, М.Э. Мельгунов, В.Л. Малеванов, А.Я. Ельшин, И.П. Пацковский, Г.Т. Киященко, полковники А.Л. Мариюшкин, Н.Л. Жадвойн и другие³. Врангель отчислял из армии офицеров за поддержку Кирилла Владимировича⁴. Офицеры, поддерживавшие Кирилла Владимировича, состояли в альтернативном врангелевскому Русскому общевоинскому союзу (РОВС) Корпусе императорской армии и флота, где за преданность новоявленному кандидату на престол активно раздавались чины и награды. Те, кто ориентировался на Николая Николаевича, считались «конституционалистами». Среди них было все официальное руководство военной эмиграции первоначально в лице штаба Врангеля, а затем – лидеров РОВС. Соответственно, военные эмигранты, связанные с РОВС, должны были ориентироваться на этого кандидата. К «конституционалистам» примыкал П.Н. Краснов. После смерти в 1929 г. великого князя Николая Николаевича, не оставившего наследников, кандидатура Кирилла Владимировича для части монархистов стала безальтернативной.

Довольно болезненно руководители белой военной эмиграции реагировали на любые проявления инакомыслия. Особенно острой была реакция на проявления приверженности левым идеям. Так, например, ближайший соратник генерала М.В. Алексева генерал В.Е. Борисов, некоторое время служивший в РККА, а позднее бежавший к белым, в 1921 г. приказом генерала Врангеля был исключен с военной службы и лишен чинов за агитацию в пользу Советов⁵. С 19 марта 1923 г. его исключили и из общества русских офицеров Генерального штаба⁶. Аналогичная участь постигла еще несколько генштабистов, в том числе полковника Ф.Е. Махина. 16 августа 1924 г. в редакцию белградской газеты «Новое время» поступило следующее письмо: «М[илостивый] г[осударь] г-н редактор. Не откажите поместить в Вашей газете нижеследующее разъяснение районного правления общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С.⁷: Ввиду поступающих в районное правление запросов, - как оно относится к деятельности в Королевстве С.Х.С. Генерального штаба полковника Махина, правление сообщает: 1) Что полковник Махин членом общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С. не состоит и 2) Что ни в какой связи с районным правлением он не находится и деятельность его ничего общего с деятельностью районного правления не имеет. Председатель Районного Правления генерал от кавалерии Драгомиров»⁸. В августе 1925 г. деятельность Махина обсуждалась на заседании Совета объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС. Известно, что на Махина собирались компрометирующие материалы⁹. В условиях замкнутого эмигрантского круга общения такие офицеры были либо обречены на одиночество, становясь изгоями (случай генерала Борисова), либо вынуждены примкнуть к явно враждебным белым течениям (как, например, полковник Махин, вступивший в компартию Югославии¹⁰), либо уезжали в СССР.

Еще одним «отщепенцем» оказался генерал А.К. Келчевский, с 1922 г. редактировавший (с № 4, после генерала М.И. Тимонова – не генштабиста) берлинский журнал «Война и мир». Это издание возникло по инициативе Разведупра Штаба РККА, действовавшего через частное издательство в Германии. Журнал выходил до 1925 г. (вышло 19 томов по 400–450 страниц каждый) и даже распространялся в Советской России, обеспечивая неформальную связь между военными учеными из числа эмигрантов и военспецами РККА в целях усиления «сменовеховских» настроений в среде военной эмиграции. Соответственно, в журнале печатались те авторы, которые не считали предосудительным такое сотрудничество и не боялись обвинений военной эмиграции в большевизме и «сменовеховстве». Среди них – генералы П.И. Залесский, С.К. Добророльский, В.Е. Борисов, А.А. Носков (двое последних – близкие сотрудники генерала М.В. Алексева по службе в

Ставке в годы Первой мировой войны) и некоторые другие. Постоянным рецензентом материалов журнала в Советской России был выпускник ускоренных курсов Г.И. Теодори, публиковавший свои рецензии в еженедельнике «Военный вестник»¹¹. В апреле 1923 г. Келчевский неожиданно скончался на своей квартире в Берлине после острого политического спора со своим учеником по академии полковником Ф.Е. Махиным о роли эсеров в революции¹².

На посту главного редактора Келчевского сменил полковник В.В. Колоссовский – ветеран украинской армии. Направленность журнала несколько изменилась. Свое кредо в этот период Колоссовский изложил в письме от 22 июля 1923 г. генералу Н.А. Капустянскому – своему товарищу по службе в украинских формированиях (любопытно, что украинские ветераны вели переписку между собой на русском языке). Колоссовский писал: «Вы спрашиваете, каковы мои чаяния? Мне кажется, что сейчас, в это крайне неопределенное время, лучше всего сидеть на месте и “не рипатись”. В будущем все разъяснится и тогда можно будет создать какой-либо план действий. Политикой я сейчас совершенно не занимаюсь, она мне осточертела. Мне приятно, что я работаю в полезном, живом и, главное, нашем родном военном деле, и я чувствую себя вполне удовлетворенным. Я решил в том же направлении и продолжать свою жизнь...»¹³.

По мнению С.Т. Минакова, советская военная разведка через журнал вбрасывала в эмигрантскую среду данные, позволявшие военной эмиграции рассчитывать на скорый бонапартистский переворот в СССР во главе с М.Н. Тухачевским и удерживать белых в этой связи от излишней военно-политической активности, в том числе от подготовки вторжения на советскую территорию¹⁴.

В обществе русских офицеров Генерального штаба в Королевстве СХС расследовалась деятельность некоторых генштабистов, причастных к журналу Келчевского. Так, разбирали дело генерала В.Н. Полтавцева, входившего в редакцию. В итоге он не только вышел из ее состава, чтобы не повредить с корпорацией генштабистов, но был вынужден даже передать свой полученный и неизрасходованный заработок русскому военному агенту, при том, что сам жил в стесненных обстоятельствах¹⁵. Эти факты свидетельствуют о том, что репутация для генштабистов-эмигрантов нередко оказывалась важнее материального положения. В той же плоскости следует рассматривать и поступок полковника В.И. Кавернинского, который предпочел самостоятельно возместить все пропавшее у другого генштабиста имущество, чем доводить дело до серьезного разбирательства, при том, что каких-либо улик, кроме неясных подозрений, в отношении самого Кавернинского не было¹⁶.

Но встречались и генштабисты, безразлично относившиеся к мнению профессионального сообщества. По отношению к ним корпорация проявляла беспощадность. К таким офицерам относился Генштаба полковник В.В. Кривенко, дело которого также рассматривалось вездесущими поборниками коллективной нравственности из общества офицеров Генерального штаба. В эмиграции Кривенко работал землемером, но до членов общества дошли слухи о том, что он, якобы, при этом вымогал деньги. Никаких доказательств у них не было. Тем не менее, офицеру было предложено опровергнуть слухи и оправдаться. Подобное требование не встретило понимания со стороны Кривенко, которому, по всей видимости, было все равно, что о нем говорили. В итоге свое мнение 25 июля 1923 г. изложил один из членов общества полковник П.С. Мясников, который возмущенно писал: «Вообще, отношение п[олковника] К[ривенко] к позорящим его слухам [–] подчеркнуто безучастное, словно ему безразлично, что мы о нем думаем, словно он махнул рукой на мнение целой корпорации»¹⁷. Под корпорацией подразумевалось общество русских офицеров Генерального штаба. Далее следовал беспелляционный вывод, что Кривенко – «глубокий материалист, эгоист и торгаш по натуре»¹⁸.

Наличие изгоев в своей среде и постоянная борьба с советскими спецслужбами пробуждали у эмигрантов болезненную подозрительность, когда всюду мерещились большевистские агенты. Нередко под подозрения попадали и офицеры-генштабисты, например, генерал А.М. Заболотный, по долгу службы отправлявший в Советскую Россию корреспонденцию как сотрудник берлинской конторы «Luftpost»¹⁹. Начавшаяся травля генерала привела к его безвременной смерти в возрасте 58 лет.

Общество офицеров Генерального штаба опасалось проникновения в свои ряды подозрительных людей, поэтому было решено проверять местопребывание каждого нового члена за последние два года перед зачислением²⁰. Бывший офицер с клеймом большевика неизбежно становился изгоем, что в замкнутой среде эмиграции было равносильно обрыву всех связей с прежней жизнью и с Россией, как прошлой, так и будущей, на возрождение которой эмигранты надеялись. Поэтому в некоторых случаях генштабистам было проще пройти через суд чести, чтобы избежать дальнейших преследований со стороны общества, которое в связи с проведением им самостоятельных расследований и судов чести приобрело вдобавок к социальным и духовным еще и вполне отчетливые полицейские и охранительные функции. Видимо, в этом русле рассуждал полковник Я.А. Яковлев, живший в Дубровнике. Когда его на основе провокационной заметки в газете «Новое время» за октябрь 1922 г. обвинили в работе на большевиков, он потребовал скорейшего расследования. В июле 1923 г. Яковлев прошел через суд чести

штаб- и обер-офицеров Генерального штаба в Белграде, который признал, что серьезные основания для обвинений отсутствовали.

О своих переживаниях в период наиболее острых нападков на него 14 февраля 1923 г. Яковлев писал военному агенту в Королевстве СХС полковнику В.И. Базаревичу: «Совершенно неожиданно для меня вокруг моего имени создалась какая-то темная и грязная сплетня... Я очень хорошо понимаю, что мы живем в исключительно смутное время, когда политический разврат принял ужасающие размеры, и потому ко всякому может быть высказано то или другое недоверие... я покорнейше Вас прошу возможно скорее назначить дознание или следствие надо мной, дабы, - если какие-нибудь подозрения в отношении меня имеются, - разобрать их и освободить меня от той грязи, которая может опорочить мое имя и мою военную репутацию, чистой пронесенную сквозь мерзость смуты, обмана и измены. Докладываю Вам, что я вообще никогда, нигде, даже случайно, не имел никакого дела ни с большевиками, ни с прочей революционной нечистью. Нося в своем сердце образ ЦАРЯ и ничем не изгладимую любовь к России, я отдал все свои силы и всю свою жизнь русскому делу. Борясь всю добровольческую эпопею на фронте, борясь после этого словом и делом, я в результате попал под какое-то гнусное подозрение, о котором мне еще прямо не находят нужным сказать, но дают понять, что это подозрение будто бы разделяете и Вы. Глубоко верю, что Вы не откажете мне в самом подробном расследовании моего дела...»²¹.

Яковлева можно понять, поскольку обвинение в большевизме для многих ветеранов Белого движения было не просто оскорбительным, но наиболее тяжелым. В этом отношении Яковлев представляется кристально чистой фигурой. Достаточно сказать, что он был среди первых добровольцев на юге России еще в декабре 1917 г. и боролся в рядах белых до конца, в том числе участвовал в сопряженной с постоянной опасностью для жизни подпольной работе. В эмиграции он занимался организацией белых офицеров для нового похода на Советскую Россию, сотрудничал с монархистами, за что был выслан по распоряжению президента Латвии из страны. Из опасения репрессий в отношении родственников, оставшихся в России, печатался он под псевдонимом²².

Через суды чести или персональное рассмотрение своих дел, кроме перечисленных выше, прошли также генералы К.А. Моравицкий, Г.С. Рытиков, П.В. Чеснаков, полковники А.С. Преображенский, А.П. Вохмин, Е.Б. Плотников. Из общества в 1922 г. были исключены генерал Н.П. Коломенский и вернувшийся в Россию подполковник Н.Ф. Соколовский. Конечно, не всегда подозрения и упреки были беспочвенными. Так, А.С. Преображенский действительно был для белых подозрительной личностью – имено-

вал себя генералом, хотя был лишь полковником, в конце 1922 г. посещал советские миссии в Вене и Берлине, встречался с Келчевским и Колоссовским, лестно отзывался о Красной армии и вел примиренческую по отношению к красным агитацию. К тому же он не состоял в обществе русских офицеров Генштаба²³.

Нередко агрессивная борьба с большевиками в своих рядах, реальными или мнимыми, ставила общество офицеров Генерального штаба в глупое положение. Более того, этим обвинением злоупотребляли и нередко пользовались для сведения счетов. Например, после того, как Генштаба подполковник В.З. Полюшкин подрался за честь женщины с оренбургским казаком, есаулом Г.П. Ереминым (тот в эмиграции вел себя аморально и за поступки, несовместимые с офицерским званием, был уволен из армии по суду чести), последний пожаловался на генштабиста и обвинил его в большевизме²⁴.

Вдали от родины и привычной службы представители дореволюционной военной элиты – офицеры-генштабисты – пытались приспособиться к новым жизненным условиям. Для облегчения этого процесса они создавали собственные организации, занимались научно-исследовательской и издательской деятельностью. Не чуждались они и политической борьбы, которая в замкнутом эмигрантском сообществе нередко превращалась в выяснение отношений и склоку. При этом цели такой борьбы стороннему наблюдателю могут показаться совершенно абсурдными. Продолжение противостояния большевизму диктовало необходимость постоянной самобилизации военных эмигрантов, поиска и выявления врагов – сторонников большевиков в своей среде, своевременного обнаружения «сменовеховцев», стремившихся уехать в Советскую Россию и СССР. Таких людей, пример которых мог быть воспринят их товарищами, изгоняли из корпоративных организаций, подвергали осуждению и шельмованию. Нередко поиски большевиков приобретали характер «охоты на ведьм», отравляя и без того нелегкое эмигрантское существование ни в чем не повинным людям.

Примечания

¹ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 159-160.

² Достовалов Е.И. О белых и белом терроре // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Вып. 6. М., 1995. С. 670.

³ Белоэмиграция у Югославији 1918-1941. Т. 1. Београд, 2006. С. 382; Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 88; Голдин В.И. Русское военное Зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007. С. 63.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об.-8.

⁵ Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX века. Док. и мат. Т. 4. У истоков «Русского общевоеинского союза». 1924 г. М., 2007. С. 153.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55. Л. 136-137.

⁷ Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 118.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 24. Л. 84-84об.

¹⁰ Voina Enciklopedia. Drugo izdanje. Т. 5. Beograd, 1973. С. 208.

¹¹ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 110-111.

¹² Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 183.

¹³ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 21. Л. 28-28об.

¹⁴ Минаков С.Т. Указ. соч. С. 118, 539.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁷ Там же. Л. 65.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 90, 101об.-102.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55. Л. 83-84.

²² Там же. Л. 87, 92-92об.

²³ Там же. Л. 101, 103, 105, 108, 109, 112, 130, 131, 136.

²⁴ Там же. Л. 31, 44.